

Петр ОРЕШИН

Распутин
Поэма¹

А. Чапыгину

1

В народе не остыли толки
И струнный рок.
Над Русью в клоунской ермолке
Сидел царек.

На нем и ленты и медали
В большой пятак.
Перед дворцом маршировали
И так и так!

Большой дворец, большая пушка,
Толпа вельмож.
На балаганного петрушку
Был царь похож.

Чесал пробор рыжеволосый,
На лбу — хохол.
Три века луковичным носом
Над Русью цвел.

Но вот подуло пятым годом
Со всех сторон.
И закачался небосводом
Кровавый трон.

¹ Печатается по: Родник. Сборник. М.; Л., 1927. Т. 3.

Бушует Русь, Нева и море
Гремят волной.
Сивушный царь, тебе ли с горя
Не впасть в запой?

Царю сивуха, а царице
Каки дела?
И загремели над столицей
Колокола.

Царица-баба в белом теле,
Слаба умом.
По одному коты ходили
И табуном.

Того замучила одышка,
Тот слаб, тот хил...
Но вот пришел Распутин, Гришка,
И угодил.

Запахло во дворце овчиной,
Таёжной тлём,
Старинным говором, лучиной,
Сырой землей.

Шерстит просторная поддёрка,
Шумит тайга.
И в зеркале торчат неловко
Его рога.

Как девку на лесной равнине,
Любует он
Царицу-бабу на перине
Среди икон.

Плевать ему на эти лики,
На всех святых,
*Видал он в колокольном зыке
Немало их!*

Гремит по царскому жилищу
Лесная ложь,
Тая в широком голенище
Разбойный нож.

— Постою, красавица, ужо я,
Лесная сыть,
Заставлю царство аржаное
Покорну быть!..

Дворец угрюм, в ночную сажу,
Горит восход.
И каменно застыла стража
У всех ворот.

2

Побасёнки да рассказы,
Только подноси.
Это Гришка лупоглазый
Ходит по Руси.

Разлюбил мужик овчину,
Потаёжный сон.
Потянуло не по чину
К золоту погон.

Волга плещется за бортом
Розовой волной,
Под большим сибирским чортом
Пенясь глубиной.

От степной весенней люти
Вспыхнула заря.
Дуют в Гришкиной каюте
Брагу за царя.

Кроют, будто черепицей,
В душу и в живот.

«Сам» за матушку-царицу
До упаду пьет.

— Эх, ты крой, моя зазноба,
Распотешь судьбу,
Полюбил тебя до гроба,
Разлюблю в гробу!

Славой голову покрою,
Положу труды.
Из лесов твоих настрою
Виселиц ряды!

Вешай, чтобы не срывались
Даром из петли.
Чтобы дыбом поднимались
Волосы земли!

На волну волна упала,
Грозная волна!
У буфетчика немало
Пива и вина.

Гришка топает не быстро,
Да царю беда:
Как осталась от министра
Плешь да борода!

Расплясал порядки леший,
Вот-те трынть да брынть!
Уплывает месяц плешью
За степную синь.

И по всей Руси туманы,
Горы да леса,
Надмогильные курганы,
Степь да небеса.

По морям, в густом рассвете
Ходят корабли.

По полям — казачьи плети,
Рожь да конопли.

Черный ворон на веревку
Налетел не зря:
Те висят за забастовку,
Эти — за поля!

На распаханном загоне
Деревенский плач,
По Руси в ночном вагоне
Мечется палач.

Не простую Гришка птаху
Выловил, нашел...
А рубаха-то, рубаха —
Вышитый подол!

Баба шила, ворожила, —
Царское шитье.
В бабьем царстве Гришке было
Вольное житье.

И с вокзала прямо к «Яру»
В полуночный срок.
— Ну-ка, девки, под гитару
Вдоль и поперек!

Пой, цыганская побаска,
Расписная шаль.
За гитару да за ласку
Ничего не жаль!

3

Закипела лунная равнина,
Избяная гладь.
На дружину грозная дружина
Вышла воевать.

Облетели золотые клены,
И молчат поля.
Захлебнулась хлёбовом соленым
Черная земля.

Поднялись задумчиво и строго
Рожь и конопель.
Тяжело запела по дорогам
Серая шинель.

Зазвенела старая двухрядка;
По полям тоска.
У окна — брюхатая солдатка,
Под окном — река.

Воют избы, как собачьи стаи,
В лунной тишине.
Затонула родина худая
На большой войне.

Едут полем красные вагоны,
Это ли не бред?
И роняет месяц на загоны
Свой кудрявый свет.

Неужели никому не больно,
Никому не жаль?
Не звони, болтушка-колокольня,
В розовую даль!

Все равно, над клином недожатым,
Чуть блеснет заря,
Русь гудит семиэтажным матом
В бога и в царя.

Глупый царь, беспутная ватага.
Ни ума, ни глаз!
— Подыхай, лоскутная сермяга,
За хороших нас!

И идет, штыками повевая,
На неравный бой,
И ложится сила полевая
Русой головой.

Что ж такое? Ни большой удачи,
Ни больших побед.
— А ведь это, государь мой, значит:
Полководцев нет!

Нашептал царю таёжный леший,
Намутил не зря;
Колокольным звоном распотешил,
Проводил царя.

Обернулся вороном в столице.
— Буду править сам!
И сажусь на плечо царицы
Ворон по ночам.

Каррк, царица! — и летят кочнами
Головёшки с плеч.
И пошла за темными лесами
Кровяная течь.

Нарубили много, накололи
Свиток и сермяг.
На ржаное вспаханное поле
Наступает враг.

Карк вороний будто от царицы? —
Замутился двор.
— Слушать эту падальную птицу
До каких же пор?

Грязный дождь она поганым клювом
На корону льет...
Да, не гоже, что царица-дура
С мужиком живет!

Загудела знатная орава,
Как осенний парк.
— Эй, князья, облаву да отраву
На вороний карк!

Ночь была над Питером, — как сажа,
Черная стена.
В эту ночь не выходила даже
Русская луна.

*За дворцом, на ветряном разгуле
Видел черный сад:
Растянулся на снегу от пули
Бородатый гад!*

*Лед завыл, как насыпью могила,
В прорубь Гришку-пса!
И заря румянцем затопила
Снег и небеса.*

А Нева гудит в иную пору,
Гневом и тоской.
Так и надо бабнику и вору
Да шпане такой!

Так и надо! ахнули крестьяне
Под рабочий гром.
И царя на поле грозной брани
Сшибли Октябрем!

1926

